

К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

АЛИНА БОДРОВА

Статья вводит в научный оборот архивные материалы, связанные с историей официального утверждения Вольного общества любителей российской словесности. Реконструированные на основе документов из архивов ВОЛРС и Министерства народного просвещения обстоятельства институционального становления Вольного общества, к которому оказались причастны крупнейшие чиновники александровского царствования — адмирал А. С. Шишков, министр народного просвещения А. Н. Голицын, министр внутренних дел О. П. Козодавлев — позволяют вписать историю ВОЛРС в контекст политической, придворной и бюрократической борьбы конца 1810-х гг.

Ключевые слова: Вольное общество любителей российской словесности, литературные институты, социология литературы, А. С. Шишков, А. Н. Голицын, О. П. Козодавлев.

Alina Bodrova. On the Institutional History of the *Free Society of Lovers of Russian Literature*

This article publishes key documents concerning the history of the official establishment of the *Free Society of Lovers of Russian Literature* in 1817 and 1818 for the first time. These materials, taken from the archive of the Ministry of Public Education (Russian State Historical Archive, f. 733) and the archive of the *Free Society* (Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), f. 58), allow us to reconstruct in detail the circumstances of the institutional establishment of the *Free Society*, which involved a number of highly-ranked bureaucrats of the Alexandrian administration, such as Admiral Alexandre Shishkov, Minister of Public Education Prince Alexandre Golitsin, and Minister of the Interior Osip Kozodavlev. These archival documents provide us with a more complete and complex picture of the institutional status of the *Free Society*, which proved to be closely connected with the state and official cultural institutions.

Keywords: Free Society of Lovers of Russian Literature, literary institutions, sociology of literature, A. Shishkov, A. Golitsin, O. Kozodavlev.

История Вольного общества любителей российской словесности (далее — ВОЛРС), на первый взгляд, представляется хорошо изученной и в целом известной. Летопись его публичной деятельности, синхронно освещавшейся

в журнале Общества — «Соревнователе просвещения и благотворения» («Трудах Высочайше утвержденного Общества любителей российской словесности», 1818–1825), затем была дополнена рядом значимых публикаций материалов из архива ВОЛРС, который заслуженно привлек внимание исследователей сразу по его поступлении в Библиотеку академии наук в 1904 г.¹ Обстоятельства создания Общества были конспективно описаны — с опорой на архивные документы — в давней работе С. Н. Брайловского [Брайловский 1909: 31–54], до сих пор служащей основным источником сведений о начальном этапе (1816–1817) существования ВОЛРС. В тот же период в научный оборот были введены документы, связанные с участием в Обществе таких важных литературных фигур начала 1820-х годов, как Е. А. Баратынский (см.: [Филиппович 1915], К. Ф. Рылеев (см.: [Маслов 1912: 74–83]), О. М. Сомов (см.: [Брайловский 1909: 54–79]).

Ключевыми работами в истории изучения ВОЛРС по праву считаются монографии В. Г. Базанова — «Вольное общество любителей российской словесности» [Базанов 1949] и «Ученая республика» [Базанов 1964]², представляющие систематическое описание литературной и организационной деятельности Общества в 1818–1825 гг. и основанные на тщательном изучении архива ВОЛРС, прежде всего, протоколов его заседаний. Документальную фундированность и источниковую ценность книг Базанова часто противопоставляют его ожидаемо идеологизированной концепции ВОЛРС, которое последовательно представляется «литературным филиалом» тайных обществ, где велась не столько литературная, сколько идейно-политическая борьба «левого», прогрессивного, «декабристского» крыла (Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев) против «правых» консервативных, проправительственных сил. Однако выстраиваемая Базановым идеологическая конструкция наложила неизбывный отпечаток не только на исследовательскую интерпретацию деятельности ВОЛРС и отдельных его членов, но и на отбор публикуемых источников. Как показывает новое обращение к архиву «Ученой республики», вне исследовательского внимания

¹ Наиболее подробным описанием архива Общества остается публикация Л. И. Срезневской [Срезневская 1907], снабженная персональным указателем по делам ВОЛРС. Отметим, что архив Общества был передан в Библиотеку Академии наук Отделением русского языка и словесности «вместе с другими рукописями, хранившимися в канцелярии Отделения» [Срезневский 1907: 1]. В настоящее время архив находится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) — Ф. 58.

² Позднейшая книга В. Г. Базанова [Базанов 1964] представляет собой авторскую переработку более ранней книги [Базанов 1949], из которой были убраны главы, посвященные нелитературным декабристским обществам, и заострены идеологические характеристики деятельности ВОЛРС и его членов.

остались не только финансовые и организационно-издательские документы³, но и практически все материалы, связанные с начальным периодом существования ВОЛРС, которые наглядно демонстрируют отнюдь не оппозиционность, но, напротив, стремление его создателей получить официальный статус Высочайше утвержденного Общества и покровительство министра народного просвещения А. Н. Голицына.

В обеих монографиях Базанова первые годы деятельности «Ученой республики» представляли малопримечательным периодом, когда «общество влачило довольно жалкое существование» [Базанов 1964: 98] и «занималось чем угодно, но только не просвещением и благотворением» [Базанов 1949: 144], а «литературные собрания чаще всего проходили скучно и неинтересно» [Там же: 153]. На этом фоне превращение ВОЛРС в многочисленное и авторитетное культурное объединение, каким оно предстает уже в 1820 г., выглядит малообъяснимым. Столь же непроясненными в работах Базанова остаются и обстоятельства официального утверждения Общества и приобретения им именованья «Вольного общества любителей российской словесности» (вместо «Общества соревнователей просвещения и благотворения», ср. [Базанов 1964: 98]), а также сопровождавшее их столкновение с адмиралом А. С. Шишковым, который на этапе обсуждения прошения ВОЛРС в Комитете министров выступал против нового Общества, претендовавшего, по его мнению, на роль Российской Академии.

Последний сюжет, ранее известный благодаря публикации «Мнения...» Шишкова (см.: [Шишков 1858; Шишков 1870: II, 156–159])⁴ и оговоркам в воспоминаниях одного из основателей Общества А. Д. Боровкова [Боровков 1898: 53–56], в недавнее время был коротко прокомментирован А. И. Рейтблатом в примечаниях к мемуарам еще одного члена ВОЛРС И. Н. Лобойко, в которых содержится рассказ об этом эпизоде [Лобойко 2013: 50, 131]; (ср. также [Рогошина 2002: 221–222]), однако, разумеется, формат комментария не мог предполагать развернутого описания этой коллизии.

Таким образом, начальный период деятельности ВОЛРС, история «высочайшего утверждения» Общества и обретения им официального устава, растянувшаяся без малого на год, до сих пор остаются фактически не описанными и не отрефлексированными. При этом документированы они на

³ Учитывая, что финансовые и организационные материалы русских издательств 1810-х – 1820-х гг. до нас почти не дошли, значение этих документов ВОЛРС трудно переоценить.

⁴ Ср. также публикацию «Мнения...» Шишкова в «Русском архиве» (1885. Кн. 3. № 10. С. 283–286), сделанную по неуказанному источнику, которая по сравнению с двумя первыми дополнена более резкой концовкой.

редкость хорошо — и не только бумагами самого ВОЛРС. Объемное дело «Об учреждении в С. Петербурге Общества соревнователей просвещения и благотворения, наименованного при Высочайшем утверждении Вольным обществом Любителей Российской словесности» сохранилось в архиве Департамента народного просвещения [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 1–37], через который велась переписка Общества с вышестоящими инстанциями — Главным правлением училищ и Комитетом министров. В совокупности эти материалы позволяют описать расклад сил и принципиальные позиции участников этой бюрократической эпопеи, их взгляды на значение литературных обществ и просветительских институций вообще и ВОЛРС в частности, а также достаточно подробно реконструировать ход событий, хотя, разумеется, официальная переписка не отражает всех подробностей — в том числе частных переговоров представителей «ученой республики», их покровителей и недоброжелателей (которые, как свидетельствуют сами документы, а также мемуары членов ВОЛРС, сыграли свою роль в решении судьбы Общества).

Значение этого длительного эпизода в жизни ВОЛРС, однако, не сводится только к уточнению его фактической истории: кампания 1817–1818 гг. демонстрирует важность институциональной поддержки для нового литературного общества, которое оказывается в гораздо большей степени встроено в систему государственных институций, чем представлялось ранее. Изначально учрежденное как частное, инициативное объединение, Общество не ограничивалось этим статусом и стремилось не столько к его «узакониванию» и признанию, сколько к обретению высшего покровительства — в лице министра и Министерства народного просвещения и, в конечном счете, императора (ср. [Рогушина 2002: 54–55]). Такое парадоксальное сочетание автономности, отличавшей «внутреннюю» организацию Общества, с патронажными моделями, определявшими «внешнюю» политику ВОЛРС в отношениях с государственными институциями, несомненно, заслуживает специальной рефлексии — в контексте истории профессионализации литературы в 1810-е – 1820-е гг., с одной стороны, и развития публичной сферы — с другой. Помимо этого, сюжет вокруг официального утверждения ВОЛРС демонстрирует специфику министерской политики при А. Н. Голицыне в отношении просветительских обществ разного рода. Этот институциональный контекст, по-видимому, также важен для понимания принципов деятельности «Ученой республики» в отношении как «благотворения», так и «просвещения» (в частности, издательских проектов Общества). Наконец, бюрократическая дискуссия о судьбе и

статусе Общества, деятельным участником которой выступил А. С. Шишков, добавляет важные черты к характеристике социо-культурной позиции президента Российской Академии и положения самой Академии в системе государственных и общественных институций в конце 1810-х гг.

* * *

Предваряя публикацию корпуса документов, связанных с получением Обществом соревнователей просвещения и благотворения официального статуса, нового именованя и высочайше утвержденного устава, проследим основную фабулу и ход развития событий, коротко прокомментировав позиции их главных участников и принципы их взаимодействия.

31 января 1817 г., чуть более года спустя после первого заседания Общества любителей словесности, которое состоялось 17 января 1816 г., его председатель граф Сергей Петрович Салтыков⁵ направил министру народного просвещения А. Н. Голицыну, в ведении которого состояли «всякие учреждения, какие <...> для распространения наук быть могут»⁶, два письма: «всепокорнейшую просьбу» о представлении на «Высочайшее его Императорского Величества утверждение» устава Общества соревнователей просвещения и благотворения ([РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 1–2] (подлинник); [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 5–6 об.] (отпуск)) и прошение стать попечителем «сего сословия» ([РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 3–3 об.] (подлинник); [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 6 об.–7 об.] (отпуск)). К первому письму, очевидно, был приложен полный устав, в деле не сохранившийся, а также список членов Общества по старшинству вступления, насчитывавшего на момент подачи прошения 56 участников [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 8–12 об.].

В канцелярии Министерства оба письма Салтыкова были получены, судя по входящей дате, только 13 февраля и рассматривались на заседании Главного правления училищ — то есть Совета при министре — 1 марта 1817 г. Правление, «одоблив цель Общества в обоих ее отношениях, то есть касательно ученых его занятий и благотворения», постановило запросить для высочайшего представления более краткий устав, который «заклучал бы

⁵ Наиболее полные сведения о его личности и литературных занятиях см.: [Степанов 2010].

⁶ См. § VII александровского Манифеста об учреждении министерств, где излагались полномочия и обязанности министра народного просвещения [ПСЗРИ 1830: XXVII, 246; № 20406]; ср. также § 28 указа об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения от 24 октября 1817 г. [Там же: XXXIV, 819; № 27106].

в себе токмо главные правила, служащие существенным основанием Обществу» [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 5]. Соответствующая выписка из журнала Главного правления училищ была подготовлена 12 марта [Там же. Л. 4–5], а 17-м марта датируется официальное ответное письмо Голицына ([Там же. Л. 6] (отпуск); [ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 47–47 об.] (подлинник, входящая дата: 18 марта 1817 г.)), в котором он сообщал Обществу резолюцию Правления и просьбу относительно устава — «сократить самим по усмотрению своему» — и затем вновь доставить к министру «для представления к высочайшему усмотрению». Помимо этого, Голицын при личной встрече с Салтыковым «объявил <...> словесно, что он с удовольствием принимает на себя сделанное <...> Обществом предложение» стать его попечителем. Об этом председатель Общества письменно доложил сочленам 20 марта 1817 г., как и о необходимости доработки устава [Там же. Л. 49 об.].

Месяц спустя, 20 апреля 1817 г., Салтыков вновь адресовался к Голицыну с двумя письмами на те же сюжеты ([РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 7–7 об., 14–14 об.] (подлинники); [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 15–16] (отпуски)). Выражая Голицыну «живейшую благодарность» всего Общества за «высокое покровительство», Салтыков посылал ему «кратчайшее извлечение из устава, заключающее в себе одни главнейшие статьи его постановлений», и вновь просил посредничества в исходатайствовании монаршего одобрения. Оба письма Салтыкова были заслушаны на заседании Главного правления училищ 11 мая 1817 г. (см. выписку из журнала Правления: [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 15–16]), на котором устав Общества удостоился содержательного рассмотрения. Правление в целом устав одобрило, однако высказало и ряд замечаний: два положения — о возможности отправлять по почте пакеты без весовых денег и о праве «пополнять впредь устав» — были рекомендованы к исключению «по причине несовместимости оных с общими правилами», и, напротив, требовалось внести в устав отдельную статью о том, что «издаваемые от Общества книги подлежат общей от Правительства учрежденной цензуре». Помимо этого, Обществу было предложено принять в качестве устава представленные извлечения из него — можно предполагать, что они сами по себе были достаточно развернутыми и подробными.

Соответствующая выписка была подготовлена для Департамента народного просвещения только 28 мая [Там же], а Обществу решение Главного правления училищ было письменно сообщено только 6 июня (см. письмо Голицына на имя Салтыкова: [ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 87–87 об.] (подлинник); [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 17] (отпуск)). Высказанные рекомендации были оперативно учтены в «Ученой республике» — и уже 19 июня

Салтыков вновь отнесся к Голицыну, представив вместе с письмом ([РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 18–19 об.] (подлинник); [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 26–27 об.] (отпуск)) сокращенный и исправленный устав, «обще с проектами печати и диплома», в надежде на то, что на этот раз уставной документ может быть наконец представлен вышестоящему начальству.

Исполнив требования Главного правления училищ по исправлению устава, Салтыков тем не менее привел в своем письме подробные разъяснения в оправдание тех положений, которые подверглись редактуре. Мотивируя отсутствие специальной статьи о подведомственности изданий Общества общей цензуре, Салтыков подчеркивал ее избыточность, так как они не претендовали на собственную или специальную цензуру, а значит, подчинялись общему цензурному порядку. Говоря о возможности вносить в устав дополнения, Салтыков апеллировал к уставам других обществ и оговаривал, что эти «пополнения <...> не иначе будут иметь силу, как с утверждения г. Министра народного просвещения». Сходную аргументацию председатель Общества использовал и в отношении желаемого им права «пересылки дел Общества по почте без платежа весовых денег»: Салтыков указывал, что подобное преимущество зафиксировано в уставах Казанского общества любителей отечественной словесности и Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, и недоумевал, почему в таковой привилегии должно быть отказано Обществу, целью которого является не только просвещение, но и благотворительность: «средство сие облегчило бы сношение Общества с внутренними корреспондентами, а сумма, следующая на пересылку пакетов, смогла быть употреблена в пользу неимущих, сирот и других лиц, попечение Общества на себя обращающих». Показательно, что впоследствии ВОЛРС также попытается добиться права безденежной пересылки корреспонденции и изданий, обратившись со специальным прошением на этот счет на имя Голицына в августе 1819 г., однако — как и в первом случае — получит решительный отказ⁷.

Тем не менее после сокращений устава и внесения поправок Главного правления училищ дело об утверждении Общества наконец двинулось выше по инстанциям: на заседании 11 июля 1817 г. Правление, одобрив проект («с своей стороны находит цель Общества благонамеренной»), определило «внести записку в Комитет гг. министров, с кратким изложением

⁷ См. дело «По представлению Вольного общества любителей российской словесности об исходатайствовании оному права пересылать свою корреспонденцию без платы весовых денег» [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 38–44 об.], см.: [Рогушина 2002: 235]. Прощение Общества было подано 30 августа 1819 г.

в одной из главных оснований сего Общества» (см. выписку из журнала заседаний Правления: [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 20–21]). Для представления дела в Комитете министров 4 августа была составлена обстоятельная записка «Об утверждении Общества соревнователей просвещения и благотворения» за подписью Голицына [Там же. Л. 23–25 об.], которая, однако, стала предметом рассмотрения только в самом конце сентября, когда министр народного просвещения уже отбыл в Москву вместе со Двором, а его обязанности временно (с конца августа 1817-го по май 1818 г.) исполнял министр внутренних дел О. П. Козодавлев (об этих обстоятельствах см. [Кондаков 2014: 106], а также [Шилов 2002: 336–337]).

Хотя представление Голицына говорило в пользу Общества и демонстрировало министерское расположение к нему, на этом новом этапе «соревнователи» столкнулись с неожиданными препятствиями. Как значится в выписке из журнала Комитета министров от 26 сентября 1817 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 22–22 об.], записка Голицына, «равно как и самый проект устава, сообщены были для прочтения г. виц-адмиралу Шишкову», который представил Комитету свое отдельное «мнение» на этот счет. Позиция президента Российской Академии по отношению к Обществу соревнователей просвещения и благотворения была непримиримо сурова. По убеждению Шихова, новое «сословие», составленное из неизвестных и едва ли заслуженных людей («что сии люди, кем избраны, какие их достоинства, заслуги, знания...»), опрометчиво рассчитывает на возможность публичного успеха своих литературных и ученых трудов, равно и на доход от них, и необоснованно претендует на функции уже существующей Российской Академии («...предполагаются все те знания и должности, какие существенно относятся к Российской Академии: та ж обязанность прилагать труд об утверждении правил языка, то же старание о издании нужных для сего книг, то ж попечение о награде и ободрении трудов и талантов»), а потому не должно быть удостоено высочайшего утверждения, уравнивающего это новое *общество безвестных людей* с Академией, «которая должна быть одна, нераздельна, с достаточными способами и покровительством» (цит. по: [Шишков 1870: II, 156–159]; подлинник: [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 27–28 об.]).

На полемической призрачности Шихова сказалось, по-видимому, не только его желание сохранить культурно-просветительскую монополию возглавляемой им Российской Академии, но и разочарование в «Беседе любителей русского слова», прекратившей свою деятельность незадолго до описываемых событий, и, может быть, личное раздражение тем, что почетное членство в новом Обществе до тех пор не было ему предложено.

При этом, как представляется, ревнивые опасения Шишкова — президента Академии — вызвала даже не просветительская и издательская деятельность «соревнователей», а их потенциальный институциональный статус. Официальное утверждение Общества как «установленного от Правительства» и попечительское покровительство министра народного просвещения⁸ могло дать ему не только символический престиж, сопоставимый с престижем Академии, но и обеспечить финансовую государственную поддержку, которую Шишков считал привилегией Академии и боялся утратить. Учитывая, что в этот период велась подготовка нового академического устава (утвержден в конце мая 1818 г. — см.: [Устав Российской Академии 1818]), в котором был прописан годовой бюджет в размере 60 000 рублей (см. об этом ниже), опасения президента Российской Академии были не лишены некоторых оснований. Шишков мог полагать (и был в этом прав), что новое Общество, хотя и не обозначало прямо претензий на государственное вспомоществование, тем не менее пыталось получить такое ассигнование и обсуждало проекты финансовой поддержки «сверху»⁹, — но, разумеется, никогда не претендовало на те суммы, которые были предусмотрены для Российской Академии.

Идеологически убедительные аргументы Шишкова против нового Общества как опасного и ненужного конкурента Академии («...множество Академий произведет в словесности и просвещении такое же следствие, какое в правосудии произвело бы множество Сенатов» [Шишков 1870: II, 159]) содержали, однако, некоторую двусмысленность, учитывая, что незадолго перед тем сам Шишков был одним из руководителей сходного «инициативного» литературного и просветительского объединения — «Беседы любителей русского слова», которая также была удостоена высочайшего утверждения (см.: [Альтшуллер 2007: 58–59]), но, можно думать, деятельности Российской Академии не вредила. Именно этим, по-видимому, объяс-

⁸ Вероятно, опасения Шишкова были усилены готовившимся преобразованием Министерства народного просвещения в «сугубое министерство» — народного просвещения и духовных дел, указ об образовании которого был подписан императором 24 октября 1817 г., однако готовился задолго до этого. Свою роль могло здесь сыграть и более чем сложное отношение Шишкова к деятельности Голицына и покровительствуемым им обществам, однако этот сюжет выходит за рамки настоящей статьи.

⁹ См., например, предложение А. А. Никитина, внесенное на обсуждение Общества 18 февраля 1818 г., просить А. Н. Голицына и второго попечителя Общества С. К. Вязмитинова «об исходатайствовании от монарших щедрот 25 тысяч заимообразно» — в том числе на заведение Типографии (см.: [Брайловский 1909: 38; Базанов 1949: 149]; ср. [Базанов 1964: 99–100], где немаловажное уточнение о «взаимообразности» займа без оговорок опущено).

няется второй сюжет «мнения» Шишкова — сопоставление Общества соревнователей с «Беседой...», разумеется, в пользу последней. В «Беседе...», как подчеркивал Шишков, была строго регламентированная система членства, и имена всех сотрудников были публично объявлены; «Беседа не присвоила себе никогда прав Академии и большою частью состояла из ее членов, которые иначе не согласились бы в двух местах одно и то же делать»; наконец, «Беседа...» ограничивалась лишь чтением перед публикой наиболее замечательных сочинений и не брала на себя «определение правил языка», которое «требует осторожных и основательных рассуждений» [Шишков 1870: II, 158–159]. Таким образом, и здесь Шишков пытался подчеркнуть приоритет и фактически утверждаемую им монополию Академии на просвещение в сфере словесности и языка.

Хотя многие положения Шишкова были уязвимы для критики и, очевидно, могли быть оспорены, члены Комитета министров предпочли с его позицией — на этом этапе — согласиться, тем более, что Шишковым было объявлено, что при личном его объяснении с Голицыным последний совершенно согласился с его мнением. По итогам заседания 26 сентября определено было объявить Обществу мнение Шишкова как общее заключение Комитета министров [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 22–22 об.]. Эта неприятная обязанность была возложена на управлявшего Министерством народного просвещения О. П. Козодавлева (замещавшего Голицына во время его пребывания в Москве), который коротко изложил основные тезисы Шишкова в письме к Саалтыкову от 15 октября 1817 г. ([ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 157–159] (подлинник); [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 29–30 об.] (отпуск)).

Однако, по-видимому, такое решение носило тактический характер, так как о прошении Общества и коллизии, возникшей в Комитете министров, было немедленно доложено Александру I, отнесемуся к «соревнователям» с большим расположением. Можно предполагать, что заступником Общества выступил его попечитель — министр Голицын, который за благо рассудил не вступать в прямой конфликт с Шишковым на уровне Комитета министров, а обойти его, обратившись напрямую к императору, что было тем более удобно, учитывая, что Голицын находился в это время в Москве. Высочайшая воля была объявлена Комитету министров на заседании 23 октября 1817 г.: «Государь император изволит полагать, что не должно сему Обществу совершенно отказать, а объявить ему, что оно обязано снести с вице-адмиралом Шишковым и исправить свое положение, так, чтобы оно не присвоивало себе прав Российской Академии» (см. выписку из журнала Комитета министров: [Там же. Л. 31]).

Это ободряющее известие, одновременно сулившее Обществу новый раунд непростых переговоров, было сообщено письмом Козодавлева от 29 октября 1817 г. ([ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 163–163 об.] (подлинник), [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 32–32 об.] (отпуск)). Для «выслушания отношения Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения и для надлежащего в следствие оногo постановления» на 6 ноября было назначено чрезвычайное собрание Общества (см. запись под 2 ноября 1817 г. в «Исходящем журнале Общества...»: [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 43]). По его итогам 17 ноября было составлено дипломатичное письмо к Шишкову ([Там же. Л. 44–45] (отпуск)), в котором Салтыков заверял его от имени Общества, что оно «никогда не мыслило присвоивать прав Российской Академии, доказавшей уже опытами великую пользу Отечественному слову, и что, напротив того, за честь себе поставило следовать по стезям знаменитых мужей, составляющих оную», и просил президента Академии либо сообщить письменный отзыв, «из коего могло бы увидеть, в каких именно местах Устава своего оно присвоивает права Российской Академии, и сообразно тому, сделать надлежащее исправление», либо назначить членам Общества время для аудиенции на этот счет.

В документах Общества, как и в делах Министерства народного просвещения, не сохранилось сведений о том, каким образом произошло (и произошло ли) объяснение между Шишковым и «соревнователями», однако в начале декабря и Шишков, и члены Общества предприняли новые шаги для разрешения сложившейся ситуации. На заседании 4 декабря 1817 г. Общество, в знак уважения к «глубоким познаниям <...> в науках и отечественной словесности, так и стремлению к благотворению», избрало Шишкова почетным членом, о чем ему было сообщено 13 декабря официальным письмом от имени председателя [ИРЛИ. Ф. 58. № 16. Л. 51 об.–52]¹⁰.

¹⁰ На предложение Общества Шишков отвечал уклончиво: «Милостивый государь мой, Сергей Петрович, я имел честь получить от вашего сиятельства письмо, извещающее меня, что Обществу соревнователей просвещения, в котором вы председательствуете, угодно было назвать меня своим почетным членом. Прошу вас Обществу сему за благосклонное мнение обо мне засвидетельствовать мою покорнейшую благодарность. Сожалею, что по малым дарованиям и слабому здоровью моему не могу намерениям его сколько-нибудь споспешествовать. Впрочем, сердечно желаю и надеюсь, что оно принесет не малую российской словесности пользу. — С истинным и совершенным почитанием имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Шишков. 18 декабря 1817 года» [ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 191], что, однако, не помешало членам Общества счесть этот ответ за согласие. В последующие годы Шишков эпизодически принимал участие в деятельности ВОАРС: он присутствовал на заседании 8 июня 1820 г. (на котором читалось его сочинение «Рукопись Кралодворская. Собрание лирико-эпических богемских народных песнопений. Пер. с богемск. А. С. Шишкова» [Ба-

А практически в то же самое время — 10 декабря — Шишков представил в Комитет министров еще одно «мнение» о том, как следует поступить с Обществом [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 26–26 об.]. Вынужденно считаясь с монаршей волей («чтоб Обществу сему совершенно не отказывать»), Шишков тем не менее продолжал настаивать на главном своем тезисе — об опасности дарования Обществу того же институционального статуса, что и Академии:

Есть ли Обществу сему дается право напечатать свой устав, давать членам дипломы и проч., то без сомнения таковое гласное признание и утверждение оного облечет его, под иным названием, в права Российской Академии; ибо и она иных прав не имеет, кроме тех, что утверждена тремя монархами.

Когда Общество сие, по вышеобъясненному, утвердится на тех же правах, как и Российская Академия, и между тем возникнет другое общество, которое, под другим каким-либо названием, сделает себе устав и станет также просить об утверждении оного, то уже отказать ему в том, в чем другому не отказано, будет не справедливо. Таким образом могут возникнуть многие общества, все для одной и той же цели, все особо от правительства учрежденные, и все, под разными названиями, на правах Российской Академии основанные [Там же].

С точки зрения Шишкова, официальное утверждение превращало частное литературное общество, против деятельности которого он не возражал, «в политическое тело, правительством учрежденное», которое — таким образом — будет создавать конкуренцию другим официальным «культурным» институциям, и прежде всего Академии, чего ее Президент всеми силами пытался избежать.

Упорство Шишкова, с одной стороны, и необходимость исполнить монаршую волю, с другой, заставили вмешаться в судьбу Общества министра внутренних дел О. П. Козодавлева, который временно управлял делами новообразованного Министерства народного просвещения и духовных дел. Как следует из составленной им записки, поданной в Комитет министров 28 декабря и слушанной на заседании 29 декабря [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 33–34 об.], Козодавлев вновь пересмотрел проект устава Общества соревнователей, подававшийся на высшее утверждение, как и обе записки Шишкова (поданные 19 сентября и 10 декабря 1817 г.), и, чтобы удостовериться в основательности претензий президента Российской Академии, предпринял сравнение проекта академического устава с «тем, который

занов 1964: 379]) и на публичном собрании Общества 28 февраля 1821 г. [Там же: 229]; на заседании 28 марта 1821 г. читалось его «Письмо к издателям “Соревнователя просвещения и благотворения”» [Там же: 396].

ныне представлен от Общества соревнователей просвещения и благотворения» [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 33 об.].

Аргументированное заключение Козодавлева разоблачало внешне убедительную риторику Шишкова: преимущества, испрашиваемые для Академии и зафиксированные в проекте ее Устава (право на собственную цензуру, право издавать «творения знаменитых писателей, не существующих более, если они не оставили никому права печатания оных», право представлять своих членов к наградам и «раздавать золотые и серебряные медали»; наконец, предоставление казенного здания и 60 тысяч рублей ежегодно на содержание Академии¹¹), «гораздо превосходят те, кои испрашивает для себя Общество Соревнователей Просвещения и Благотворения, которое содержит себя собственными доходами, подвергает сочинения свои установленной цензуре и просит от Правительства утверждения им Акта, могущего дать ему законное существование» [Там же. Л. 34]. Единственной, но значимой уступкой требованиям Шишкова стало предложение Козодавлева изменить название Общества, с одной стороны, вернувшись к его изначальному наименованию, а с другой — учитывая традицию именования других общественных объединений: «для избежания всякого недоразумения принять имянование *Вольного Общества любителей Российской Словесности* по примеру существующего в С. Петербурге *Вольного Экономического Общества* и бывшего некогда в Москве *Вольного Российского Собрания при Императорском Университете*». «Название Вольного Общества любителей Российской Словесности, — полагал Козодавлев, — отличит совершенно оное как от Российской Императорской Академии, так и от всех других Правительством учреждаемых Обществ, и определит прямой состав, цель и отличительное свойство оногo» [Там же. Л. 34–34 об.]¹².

Представление Козодавлева позволило наконец разрешить затянувшуюся коллизию¹³. 29 декабря его мнение было утверждено в Комитете министров, а устав *Вольного общества любителей российской словесности* наконец

¹¹ Ср. соответствующие пункты утвержденного устава Российской Академии: глава 1, § 4–7; глава 2, § 2; глава 3, § 2, а также «Штаг денежным суммам, потребным ежегодно для содержания Академии» [Устав Российской Академии 1818: 14–15, 17, 22, 45–47].

¹² Это позднее переименование Общества «сверху» не успело отразиться на заглавии задуманного еще в середине 1817 г. журнала, которое было ориентировано на самоназвание Общества соревнователей просвещения и благотворения. Уже к 9 октября 1817 г. было отпечатано объявление о «Соревнователе просвещения и благотворения» [ИРЛИ. Ф. 58. № 1. Л. 154–155 об.] и была открыта подписка на издание. По утверждении устава Общества журнал приобрел двойное название.

¹³ В знак признательности Общество в конце 1818 г. избрало Козодавлева третьим своим попечителем — после Голицына и Вязмитинова: «Высочайше утвержденное С. Петербургское

направлен на высочайшее утверждение (см. выписку из журналов Комитета министров 29 декабря 1817 г. и 19 января 1818 г.: [РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 35]). 19 января 1818 г. устав был подписан Александром I, а 30 января о состоявшемся решении дела было сообщено председателю графу Салтыкову ([Там же. Л. 36–36 об.] (отпуск); [ИРЛИ. Ф. 58. № 2. Л. 56] (подлинник)). С этого момента следует отсчитывать новый этап существования Общества «соревнователей».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются документы, входящие в состав дела «Об учреждении в С. Петербурге Общества соревнователей просвещения и благотворения, наименованного при Высочайшем утверждении Вольным обществом Любителей Российской словесности», хранящегося в архиве Департамента народного просвещения ([РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37. Л. 1–37]; первоначальный делопроизводственный номер — № 10524). Дело наиболее подробно и последовательно отражает этапы бюрократического рассмотрения судьбы ВОЛРС и высочайшего утверждения его устава, в отличие от документов из архива ВОЛРС [РО ИРЛИ. Ф. 58], в котором отложилась только непосредственная переписка Общества с министром народного просвещения и исполняющим его обязанности, а также с адмиралом Шишковым.

Документы дела печатаются в хронологической последовательности, не всегда совпадающей с полистной; номера листов приведены в скобках при публикаторских заголовках документов. Особенности правописания подлинника сохраняются, пунктуация приближена к современным нормам. Документы печатаются полностью, за исключением выписок из журналов заседаний Главного правления училищ и Комитета министров, в которых опущены фрагменты, прямо пересказывающие содержание напечатанных выше документов. Из документов, содержащихся в деле, не включены в публикацию «Список членов Общества соревнователей просвещения и благотворе-

вольное общество любителей Российской словесности, движимое неоднократными опытами покровительства Вашего Просвещению и стремления к подвигам благотворения, поставило неперменным долгом засвидетельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства своей глубочайшей преданности и в доказательство сего единодушно избрало вас на основании параграфа 9 первой части устава третьим попечителем своим, определив журналом, в 9 день сего декабря состоявшимся, поднести Вашему превосходительству за подписанием должностных членов сей адрес» ([ИРЛИ. Ф. 58. № 17. Л. 111–111 об.] (отпуск)).

ния по старшинству их вступления» (Л. 8–12 об.) и «Дополнительный список членов Общества соревнователей просвещения и благотворения» (Л. 13–13 об.), дублирующие не раз печатавшиеся списки участников ВОЛРС (см., например, [Базанов 1949: 405–410; Базанов 1964: 442–447]), неоднократно публиковавшийся (см. выше) текст «Мнения вице-адмирала Шишкова о представленном в Комитет господ министров проекте и уставе, при коем испрашивается утверждение Общества под названием: Соревнователей просвещения и благотворения» (Л. 27–28 об.), а также письмо О. П. Козодавлева к С. П. Салтыкову от 15 октября 1817 г. (Л. 29–30 об.), представляющее собой практически дословный пересказ этого «Мнения...» Шишкова, и заключительная резолюция о решении судьбы Общества, посланная из Комитета министров в Главное правление училищ 31 января 1818 г. (Л. 37), совпадающая в формулировках с выпиской из журнала заседаний Комитета министров (Л. 35) и последним письмом Козодавлева Салтыкову (Л. 36–36 об.).

1. Письмо С. П. Салтыкова А. Н. Голицыну [Л. 1–2]

<входящий номер и дата> № 547. Февраля 13 д. 1817

Милостивый Государь князь Александр Николаевич!

Несколько молодых ревнителей Просвещения, по окончании курса наук в университетах и других учебных заведениях, вознамерились для укоренения и развития посеянных в юных умах их познаний соединиться между собою и продолжить ученые свои занятия. На сей конец составили они в 17 день Генваря истекшего 1816-го года небольшое Общество под названием Любителей Словесности и, сочинив для руководства своего приличные правила, попросили у Его Высокопревосходительства Г-на Санктпетербургского Военного Генерал-Губернатора дозволение собираться один вечер в неделю для чтения и разбора своих произведений. В последствии времени круг действий Общества распространился, и сословие сие, испытав в течение года силы свои, избрало предметом не только одну словесность, но и самые науки с изящными искусствами; для принесения же пользы своему Отечеству приняло целию благотворение ученым людям, удрученным бедностию, с коей нередко превосходнейшие таланты как свет в пучине померкают. В сем предположении члены помянутого Общества, коим список у сего честь имею представить Вашему Сиятельству, признали соответствующим намерению их наименовать Сословие свое Обществом соревнователей просвещения и благотворения и, составив, для большей твердости сего Сословия, полный Устав, предоставили мне, как Председателю своему, под-

несть его на благоусмотрение Вашего Сиятельства и от имени всего Общества всепокорнейшее просить Вас, Милостивый Государь, исходатайствовать на оный Высочайшее Его Императорского Величества утверждение. Исполняя желание Общества, я осмеливаюсь и с своей стороны просить Ваше Сиятельство о обращении милостивого внимания вашего на намерение сего Сословия и употреблении за него сильного представительства вашего у венценосного Покровителя наук, Престолу коего приседит благотворение.

С глубочайшим почтением и всесовершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Граф Сергей Салтыков
31 Генваря 1817

2. Письмо С. П. Салтыкова А. Н. Голицыну [Л. 3–3 об.]

Милостивый Государь князь Александр Николаевич!

Будучи Председателем возникающего Общества соревнователей просвещения и благотворения, от имени которого имел я счастье представить Вашему Сиятельству Устав для исходатайствования Высочайшего оному утверждения, — ныне поставляю себе приятнейшею обязанностию быть изъяснителем чувств сего Сословия. Беспрестанные опыты покровительства вашего ученым и благотворительным заведениям возбудили в членах сего Общества единодушное желание иметь вас Попечителем своим.

Украсьте, Милостивый Государь, высоким именем вашим сей новый в Северных Афинах возникающий вертоград; да под покровительством вашего Сиятельства он возрастет, утвердится на незыблемом основании и принесет полезные плоды Отечеству. Рим не произвел бы столь знаменитых ученостию мужей, оставшихся образцом потомству, если бы Меценат не украшал оный. Удостоьте внимания вашего чувства и намерение Общества; не отрекитесь быть его Попечителем и на трудном поприще просвещения и благотворения, подкрепите пламенное рвение желающих быть полезными соотечественникам.

С глубочайшим почтением и всесовершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга

Граф Сергей Салтыков
31 Генваря 1817

3. Выписка из Журнала Главного Правления училищ Марта 1-го дня 1817 года [Л. 4–5]

<входящий номер и дата> № 1011 14 марта 1817

Статья XXXIV. Слушаны два отношения Действительного Статского Советника Графа Сергея Салтыкова к Исправляющему должность Министра просвещения от 31-го Генваря <... >

Правление, одоблив цель Общества в обоих ее отношениях, то есть касательно ученых его занятий и благотворения, и рассмотрев проэкт Устава, предоставило г. Исправляющему должность Министра просвещения предложить оному чрез г. Председателя Общества графа Салтыкова, чтобы для представления на высочайшее утверждение Устава составлен был оный более краткий, который заключал бы в себе токмо главные правила, служащие существенным основанием Обществу; прочие же подробности, касающиеся до внутренних и хозяйственных распоряжений по Обществу, оставлены были для собственного токмо его руководства.

Верно: правитель дел Василий Попов
№ 299

12 марта 1817 года

В Департамент Минист. нар. просвещения

4. Письмо А. Н. Голицына С. П. Салтыкову [Л. 6]

Милостивый Государь мой Граф Сергей Петрович!

Устав учреждающего под председательством вашим Общества соревнователей просвещения и благотворения, каковой Ваше сиятельство доставили ко мне при своем отношении от 31 генваря сего года, для исходатайствования оному высочайшего Его Императорского Величества утверждения, предложен от меня был, по установленному порядку, на рассмотрение Главному Правлению Училищ.

Правление, одоблив в полной мере благонамеренную цель Общества, касательно ученых его занятий и соединенного с ними благотворения, и рассмотрев во всем пространстве проэкт Устава, нашло токмо, что для представления оного на высочайшее утверждение, нужно составить Устав более краткий, который заключал бы в себе одни главные правила, служащие существенным основанием Обществу; прочие же подробности, касающиеся

до внутренних и хозяйственных распоряжений по Обществу, оставлены были для собственного токмо его руководства.

Уведомляя ваше Сиятельство о таком положении Правления, я препровождаю при сем и доставленный от вас Устав, который приемлющим участие в учреждаемом Обществе гораздо удобнее можно сократить самим по усмотрению своему, на основании положения Главного Училищ Правления, и за сим буду ожидать доставления такового сокращенного Устава для представления к высочайшему усмотрению.

С совершенным почтением имею честь быть

Вашего Сиятельства

Покорнейшим слугою

Подписано: Князь Александр Голицын

№ 873

С.П.бург

Марта 17-го 1817

Его Сия<тельст>ву Графу С. П. Салтыкову

5. Письмо С. П. Салтыкова А. Н. Голицыну [Л. 7–7 об.]

<входящий номер и дата> № 1454 23 Апреля 1817

Милостивый Государь князь Александр Николаевич!

В следствие почтеннейшего отношения вашего Сиятельства от 17-го истекшего Марта, предлагал я Обществу соревнователей просвещения и благотворения как положение Главного Правления Училищ, так и волю Вашего Сиятельства относительно сокращения препровожденного обратно ко мне на сей конец от вас, Милостивый Государь, Устава. Общество, согласно тому и другому, сделав из помянутого Устава своего какое только могло кратчайшее извлечение, заключающее в себе одни главнейшие статьи его постановлений, и составя самый Устав токмо в двух частях, из коих первая содержит состав Общества, а последняя относится к цели благотворения, — поручило мне представить их, обще с дополнительным списком вновь поступивших членов, Вашему Сиятельству и всепокорнейшее просить о поднесении их на Высочайшее благоусмотрение; и об исходатайствовании, милостивым со стороны вашего сиятельства предстательством, Монаршего на оные утверждения.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший слуга
Граф Сергей Салтыков
№ 50
Апреля 20 дня 1817
Его Сиятельству князю А. Н. Голицыну

6. Письмо С. П. Салтыкова А. Н. Голицыну [Л. 14–14 об.]

<входящий номер и дата> № 1456 23 Апреля 1817

Милостивый Государь князь Александр Николаевич!

Словесный отзыв мне Вашего Сиятельства о милостивом соизволении вашем принять на себя звание Попечителя Общества соревнователей просвещения и благотворения доводил я в свое время до сведения оногo. Члены сословия сего, будучи преисполнены живейшей благодарности за честь, им Вашим сиятельством сделанную, возложили на меня лестное поручение быть пред вами изъяснителем чувств их признательности: Примите оную, Милостивый Государь, как собственно от меня, так и от всего Общества, которое, ободрясь, с одной стороны, правосудным начальством вашим, а с другой, высоким вашим покровительством, употребит все силы свои к достижению предположенной им цели соревнования просвещению и благотворению, цели — столь приятной вашему сердцу, и чрез то соделает себя достойным благоволения и попечения о нем Вашего Сиятельства.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Граф Сергей Салтыков
№ 51
Апреля 20 дня 1817

Его Сиятельству князю А. Н. Голицыну

7. Выписка из Журнала Главного Правления Училищ 11-го Мая 1817-го года [Л. 15–16]

Ст. IX. Слушали два отношения <...> Графа Салтыкова к г. Исправляющему должность Министра народного просвещения <...>

Определено: Предложить помянутому Обществу, не рассудит ли удовольствоваться для Устава своего тем кратким изложением, которое оным представлено под наименованием *Извлечения из Устава*; токмо и в оном статьи: 1-я. об отправлении по почте пакетов без платы весовых денег и 2-я. о праве пополнять впредь Устав, и тем пополнениям иметь равную силу с утвержденным Уставом — не могут быть допущены, по причине несовместности оных с общими правилами. Сверх того, включить непременно бы нужно было о том, что издаваемые от общества книги подлежат общей от Правительства учрежденной Цензуре — все сие предоставить г. Исправляющему должность Министра Народного Просвещения.

Верно: Правитель дел Василий Попов

№ 746

Мая 28-го дня 1817-го года

В Департамент Министерства Народного Просвещения

8. Письмо А. Н. Голицына С. П. Салтыкову [Л. 17]

Милостивый Государь мой Граф Сергей Петрович!

Доставленное мне от Вашего Сиятельства извлечение из Устава Общества соревнователей просвещения и благотворения предложено было от меня, по установленному порядку, Главному Правлению Училищ, которое по рассмотрении оногo предоставило мне снести с Вами, Милостивый Государь мой, дабы Вы предложили Обществу, не рассудит ли удовольствоваться для Устава своего сим изложением, которое тогда обратит в Устав; однако ж и в оном статьи: 1-я. об отправлении по почте пакетов без платы весовых денег и 2-я. о праве пополнять впредь Устав, и тем пополнениям иметь равную силу с утвержденным Уставом, не могут быть допущены, по причине несовместности оных с общими правилами. Сверх того, Правление положило, дабы в Устав сей включено было, что издаваемые от Общества книги подлежат общей от Правительства учрежденной Цензуре. Уведомляя Ваше Сиятельство о таком положении Правления, возвращаю при сем как составленное из Устава краткое извлечение, так и самый Устав, для исправления оногo согласно заключению Правления, также рисунки печати и форму дипломов.

Имею быть с истинным почтением

Вашего сиятельства

Покорнейшим Слугою

№ 1691

С-^т Петербург

Июня 6 1817 года

Его Сиятельство <ст>ву Графу С. П. Салтыкову

9. Письмо С. П. Салтыкова А. Н. Голицыну [Л. 18–19 об.]

<входящий номер и дата> № 2196, 22 июня 1817

Милостивый Государь князь Александр Николаевич!

Почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 6-го Июня я имел честь получить и в то же время предложил оное на благорассуждение Общества соревнователей просвещения и благотворения, которое, согласно оному и положению Главного Правления Училищ, постановило сделать в Уставе своем изложенные в отношении Вашем перемены и, исправив таким образом, поручило мне Устав свой, обще с проектами печати и диплома, представить Вашему Сиятельству для исходатайствования Монаршего утверждения.

Но при сем случае возложило на меня обязанность изобразить перед Вами причины, коими оно руководствовалось при испрошении преимуществ, найденных ныне Главным Правлением Училищ несовместными с общими правилами: право пересылки дел Общества по почте без платежа вековых денег присвоено многим Обществам. В Уставе же Казанского Любителей Отечества и С. Петербургского Вольного Экономического Обществ статья сия помещена в числе прочих преимуществ. Почему Общество соревнователей Просвещения и Благотворения, имея в виду право сие, данное таким ученым заведениям, коих цель заключается единственно в просвещении, уповало, что не одно просвещение, но и благотворение, составляющее главный предмет всех трудов его, будет твердым его предстателем, — тем более, что средство сие облегчило бы сношение Общества с внутренними корреспондентами, а сумма, следующая на пересылку пакетов, смогла быть употреблена в пользу неимущих, сирот и других лиц, попечение Общества на себя обращающих. Что принадлежит до права пополнять Устав, то Общество, оставя статью сию в Уставе своем, основываясь на учреждениях почти всех Обществ, — означило, что пополнения сии не иначе будут иметь силу свою, как с утверждения г. Министра Народного Просвещения.

Ваше Сиятельство желали видеть помещенною в Уставе статью о том, что все издаваемые сим Сословием книги должны подлежать общей от Правительства учрежденной Цензуре.

Хотя Общество, поставившее себе священною обязанностию сохранение благонравия и строгого наблюдения, дабы ученые произведения его не

заклучали в себе никаких мнений, противных нравственности, Вере и Правительству, — не поместило статью о Цензуре в Уставе своем, полагая, что сей общий порядок не должен быть и для него исключительным, тем более, что действия Общества согласуются с духом нравственности и веры и не имеют нужды быть закрытыми под личиною собственной Цензуры, однако же, при всем том, оно поспешило исполнить волю Вашего Сиятельства, и вклучило в Устав свой вышеозначенную статью о Цензуре.

Таким образом Общество сореvнователей просвещения и благотворения, уважив в полной мере желание Ваше и положение Главного Правления Училищ, уполномочило меня предстательствовать у вашего Сиятельства о скорейшем рассмотрении препровождаемого у сего сокращенного Устава и о поднесении оногo на Всемилоствейшее воззрение Всеавгустейшего Монарха, будучи убеждено опытами покровительства Вашего просвещению и стремления к подвигам благотворения. Примите, Милостивый Государь, во внимание как ревность членов Общества к распространению просвещения в любезнейшем Отечестве нашем и совершенное пожертвование самих себя на пользу ближних, так и мое собственное предстательство у человеколюбия Вашего.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Граф Сергей Салтыков
№ 141
Июня 19-го дня 1817

10. Выписка из журнала Главного Правления Училищ 11 Июля 1817 года [Л. 20–21]

<входящий номер и дата> № 2684<?> 26 июля 1817

Статья XXI. Слушано отношение <...> Графа Салтыкова к г. Исправляющему должность Министра народного просвещения 19 июня № 141 <...>

Определено: Внести записку в Комитет ГГ. Министров, с кратким изложением в оной главных оснований сего Общества, и присовокупить, что Главное Правление Училищ с своей стороны находит цель Общества благонамеренной.

Верно: Правитель дел Василий Попов

№ 1088

25 Июля 1817

В Департамент Министерства народного просвещения

**11. Выписка из Журнала Комитета Министров Сентября 26 дня
1817 года [Л. 22–22 об.]**

<входящий номер и дата> № 3364, 5 Октября 1817

Слушана прилагаемая при сем записка Управляющего Министерством просвещения, с представлением проекта Устава Общества соревнователей просвещения и благотворения.

Представление сие, равно как и самый проект Устава, сообщены были для прочтения г. Виц-Адмиралу Шишкову, который внес прилагаемое при сем в оригинале мнение и объявил сверх того, что Тайный Советник князь Голицын, с которым он объяснился лично по сему предмету, совершенно согласен с его мнением.

Комитет, соглашаясь и с своей стороны во всем со мнением Виц-Адмирала Шишкова, положил: передать оное Министру внутренних дел, Управляющему Министерством просвещения, для объявления помянутому Обществу; о чем и сообщить ему к исполнению выпискою из сего журнала.

Действительный статский советник Колосов

**12. Записка А. Н. Голицына «Об утверждении Общества
соревнователей просвещения и благотворения», поданная
в Комитет министров [Л. 23–25 об.]**

<входящий номер и дата> 4 Августа <1817> № 1824

По Министерству Просвещения

Об утверждении Общества соревнователей просвещения и благотворения
<помета> Слушана в Комитете Министров сентября 26 дня 1817 года

Действительный статский советник граф Салтыков в феврале месяце сего года отнесся ко мне, что несколько молодых ревнителей просвещения, по окончании курса наук в университетах и других учебных заведениях, вознамерились, для укоренения и развития посеянных в юных умах их познаний, соединиться между собою и продолжать ученые свои занятия. На сей конец в начале прошлого 1816-го года составили они небольшое Общество под названием любителей словесности и, сочинив для руководства своего приличные правила, испросили у г. Санктпетербургского военного

Генерал-Губернатора дозволение собираться один вечер в неделю для чтения и разбора своих сочинений. В последствии круг действий Общества распространился, и оно избрало предметом своим не только одну словесность, но и самые науки с изящными искусствами и, сверх того, для принесения вящей пользы Отечеству, благотворение ученым людям, удрученным бедностью. В сем предположении члены Общества нашли приличнейшим, наименовать сословие свое Обществом соревнователей просвещения и благотворения и составили Проект полного ему Устава, каковой и представлен мне от графа Салтыкова как председателя Общества для исходатайствования Высочайшего оному утверждения.

Из сего проекта Устава видно, что два главных предмета будут целию Общества: во-первых, чтение и строгий разбор сочинений и переводов, доставляемых в оное членами и посторонними. По сему все роды наук, словесности и изящных искусств входят в состав упражнений Общества. Сочинения и переводы, одобренные оным и избранные учрежденным при Обществе особым Комитетом, будут издаваться в виде Журнала, а драматические пиесы отдаваться для представления на Театре *с дозволения цензуры* <вписано сверху>. Во-вторых: Благотворение страждущему человечеству и имянно: вспоможение неимущим ученым и их семействам.

Для достижения сей цели Общество жертвует всеми выгодами, какие оно будет получать от издания трудов своих и от представления пиес на Театре. Выручаемая от того сумма, равно как и добровольные приношения от членов и посторонних особ, будут составлять кассу Общества. Благотворения его обращаемы будут преимущественно на воспитание детей мужеского пола, коих родители с пользой упражнялись или упражняются в науках и свободных искусствах и кои между тем не имеют возможности содержать и воспитывать детей прилично званию своему, и в сем случае Общество будет обращать особенное внимание на сирот. Принятые под кров его будут помещаемы на его содержании в какое-либо учебное заведение, как-то: в Губернскую Гимназию и Горный Кадетский корпус — и будут называться питомцами Общества. По окончании наук Общество будет стараться об определении их в службу, смотря по способностям и склонности их; отличнейших же из них, если позволят способы, отправлять будет для усовершенствования в Университеты Российские. Сверх того, Общество приемлет на себя оказывать вспоможение занимающимся науками и искусствами, в случае болезни или крайней бедности, и по смерти их вдовам и сиротам женского пола. Кроме денежного пособия, Общество будет доставлять лицам сим полезные занятия, сообразные с их знаниями и способностями. О поступивших для цели благотворения суммах и об употреблении оных будет извещать

Публику в каждой книжке своего Журнала и по истечении давать подробный отчет во всех действиях своих.

Общество сие, кроме составляющих оное членов, разделяющихся на действительных, почетных, сотрудников и корреспондентов, будет иметь своих попечителей, которым вверяется надзирание за благосостоянием и твердостью оною, и к коим входит оно с представлениями и отчетами как по учебным занятиям, так и по хозяйственной части. Для лучшего же устройства и управления делами оно избирает из среды членов своих: Председателя и Помощника его, а для особых занятий трех Цензоров, двух Секретарей, Библиотекаря и Казначая. Члены оною получают на звание свое диплом за надлежащим подписанием и с приложением большой печати Общества, которую предполагается иметь с приличными цели оною символами и с надписью: *Печать Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения*.

Таковой проект Устава Общества мною внесен был на рассмотрение Главного Правления Училищ, которое по надлежащем соображении, учинив некоторые в оном перемены и находя, впрочем, с своей стороны цель Общества благонамеренною, предоставило мне внести о том записку в Комитет гг. Министров с кратким вышеизъясненным уже изложением в оной главных оснований сего Общества.

В следствие сего, представляя при сем проект Устава Общества в таком виде, в каком оный одобрен Главным Правлением Училищ, долгом считаю просить Комитет гг. Министров об исходатайствовании Высочайшего утверждения оному.

<собственной рукой> Князь Александр Голицын

13. Выписка из журнала Комитета министров Октября 23 дня 1817 года [Л. 31]

<входящий номер и дата> № 3603 27 октября 1817

Комитету по мемории 26 сентября объявлено, что по статье об учреждающемся обществе под названием Соревнователей просвещения и благотворения Государь Император изволит полагать, что не должно сему Обществу совершенно отказать, а объявить ему, что оно обязано снести с вице-адмиралом Шишковым и исправить свое положение, так, чтобы оно не присвоивало себе прав Российской Академии.

Комитет положил сообщить о том к исполнению Министру внутренних дел Управляющему Министерством Просвещения выпискою из журнала.

№ 2537

Его Превосх<одительству>. Г. Министру внут<ренних> дел, Упр<авляюще-
му> Мин<истерством> Просвещения

14. Письмо О. П. Козодавлева С. П. Салтыкову [Л. 32–32 об.]

Милостивый Государь мой Граф Сергей Петрович!

От 15 октября сего года я имел честь сообщить Вашему Сиятельству о положении Комитета гг. Министров, коим утверждено мнение члена одного г. Вице-Адмирала Шишкова касательно Общества Соревнователей просвещения и благотворения. Ныне Комитет гг. Министров, выпискою из журнала своего 23 октября сего года, дал мне знать, что, по дошедшему до Государя Императора сведению о сем Обществе, Его Величество высочайше соизволил, дабы объявлено было оному, что ему делается не совершенный отказ, но оно обязано снести с г. Вице-Адмиралом Шишковым и исправить свое положение, так, чтобы оно не присвоивало себе прав Российской Академии.

О сем высочайшем повелении уведомляю Вас, Милостивый Государь мой, для надлежащего тому исполнения.

С совершенным почтением имею честь быть
Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
№ 3208
в С. П. бурге
Октября 29-го 1817
Его Сият<ельст>ву Графу С. П. Салтыкову

**15. Мнение А. С. Шишкова об Обществе соревнователей
просвещения и благотворения, поданное к Комитет
министров [Л. 26–26 об. (автограф)]**

<входящий номер и дата> № 2916 11 декабря <1817>

В комитет господ министров
От вице-адмирала Шишкова

По поводу Устава, представленного от Общества соревнователей просвещения, имел я честь Комитету господ министров представить мое мнение, по которому вышло высочайшее повеление, чтоб Обществу сему совершенно не отказывать, но чтоб оно, снесясь со мною, исправило свое положение, так чтобы не присвоивало себе прав Российской Академии.

На основании сей высочайшей воли снова имею честь представить комитету господ министров мои объяснения.

Есть ли Общество сие желает токмо иметь от правительства позволение собираться, читать между собою свои сочинения, издавать оные в свет и тому подобное, то таковое намерение, яко могущее быть полезным, никогда не воспрещалось, и в сем позволении отказать им не следует.

Равным образом, есть ли желает оно, как предполагает, давать пенсии ученым людям и сиротам их, тако ж печатать на свой щет книги, содержать воспитанников и проч., то и в сем, яко в благотворительном подвиге, есть ли оно будет иметь на то способы, воспрещать оному нет надобности.

Есть ли же оно, напротив, домогается привести себя в некое политическое тело, правительством учрежденное (ибо *утвердить* есть то же, что *учредить, установить*), то мне кажется таковое требование по многим причинам не может иметь места:

1-е. Правительство действует общими мерами Министерства просвещения, в чем всякой соревновать может, не испрашивая на то особых постановлений.

2-е. Правительство учреждает всякое сословие или общество для какой-нибудь цели. Таким образом по части языка и словесности учреждена Российская Императорская Академия.

3-е. Правительство не воспрещает каждому частно и в соединении с товарищами пещись о пользе словесности и просвещения; но учреждать многие и особые для сего общества, не знаю, будет ли от сего польза и соблагодолит ли на то правительство.

4-е. Общество *соревнователей просвещения* имело уже в прошлом году позволение собираться и производить свои работы; какова <так!> же ныне вновь просит утверждения и для чего?

5-е. Есть ли Обществу сему дастся право напечатать свой устав, давать членам дипломы и проч., то, без сомнения, таковое гласное признание и утверждение оного облечет его, под иным названием, в права Российской Академии; ибо и она иных прав не имеет, кроме тех, что утверждена тремя монархами.

6-е. Когда Общество сие, по вышеобъясненному, утвердится на тех же правах, как и Российская Академия, и между тем возникнет другое общество, которое, под другим каким-либо названием, сделает себе устав и станет также просить об утверждении оного, то уже отказать ему в том, в чем другому не отказано, будет не справедливо. Таким образом могут возникнуть многие общества, все для одной и той же цели, все особо от правительства учрежденные, и все, под разными названиями, на правах Российской Академии основанные.

Полагая, что от сего скорее произойдет вред, нежели польза, я осмеливаюсь думать, что воля Его Императорского Величества состоит более в том, чтоб позволить вышеупомянутому Обществу соревнователей просвещения в трудах и намерениях своих упражняться и производить оные в действо, нежели в том, чтоб учредить и установить оное от правительства.

Впрочем все сие предаю на благоусмотрение Комитета господ министров.

Вице-адмирал Александр Шишков

10 декабря 1817 года

16. Записка О. П. Козодавлева в Комитет министров [Л. 33–34 об.]

<входящий номер и дата> 28 декабря <1817>, № 3060

<помета на левом поле>

Слушали в Комитете Министров 29 Декабря 1817 года

Его Превосх. И. П. Колосову

Милостивый Государь мой Иван Петрович,

Получив от вашего Превосходительства составленный Обществом Соревнователей просвещения и благотворения Устав его, я вновь рассматривал оный вместе с двумя мнениями, поданными в Комитет гг. Министров по сему предмету от Президента Российской Императорской Академии г. Вице-Адмирала Шишкова, и, за болезнь Председателя Общества Соревнователей, призывал для объяснения Секретаря оного г. Никитина.

Александр Семенович, опасаясь, чтобы дозволение напечатать Устав сего Общества и давать Членам Дипломы не облакало оное в права Российской Академии, полагал и в последнем мнении не делать столь гласного признания и утверждения сего Общества, а дозволить оному только: 1-е, собираться, читать между собою сочинения свои и издавать оные в свет, и тому подобное; и 2-е, давать пенсии ученым людям и сиротам, так же печатать на свой счет книги, содержать воспитанников и проч.

Поелику же Комитету гг. Министров по Мемории 26 октября объявлено, что Государь Император изволил полагать, что не должно сему Обществу совершенно отказывать, а объявить ему, что оно обязано снести с Вице-Адмиралом Шишковым и исправить свое положение так, чтоб оно не присвоивало себе прав Российской Академии; то, дабы определить с точностию, в каких именно статьях сближаются сии ученые Общества по одинаковым своим предположениям, я сравнил Проект Устава, составленный для Российской Императорской Академии, с тем, который ныне представлен от Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения.

Существенное сходство их предназначения состоит в том, что Академия и Общество соревнователей имеют в предмете усовершенствование и обогащение Российского языка и поощрение занимающихся Отечественною Словесностию.

Но преимущества, испрашиваемые для Академии и содержащиеся в Проекте ее Устава, состоят в том, чтоб она имела собственную Цензуру; чтоб Секретарь и Казначей ее, а когда будет сделано какое-либо Высочайшее поручение Академии, то и члены ее могут быть представляемы к наградам; чтоб она может от себя раздавать золотые и серебряные медали; чтоб ей дозволяется издавать вновь творения знаменитых писателей, не существующих более, если они не оставили никому права печатания оных. Сверх сего правительство предоставило Академии дом и назначает на содержание ее 60 т<ысяч> рублей ежегодно.

Все сии существенные преимущества гораздо превосходят те, кои испрашивает для себя Общество Соревнователей просвещения и благотворения, которое содержит себя собственными доходами, подвергает сочинения свои установленной цензуре и просит от Правительства утверждения или Акта, могущего дать ему законное существование.

Что касается до замечания г. Вице-Адмирала Шишкова о Дипломах, кои Общество полагает раздавать своим Членам, то сие не есть особенное преимущество, доставляющее оному какое либо право, но только знак, коим Общество извещает о избрании им в Члены свои; и в доставлении Дипломов на звание члена никакому Обществу отказываемо не было.

Равномерно все Общества пользуются позволением печатать Уставы свои, и самая Цензура, по правилам ее, не может им возбранить в том.

По всем сим уважениям и руководствуясь Высочайшею волею, объявленною Комитету гг. Министров, я полагаю, что должно утвердить составленный Обществом Соревнователей просвещения и благотворения Устав его, предписав оному для избежания всякого недоразумения, принять имянование *Вольного Общества любителей Российской Словесности* по примеру существующего в С. Петербурге *Вольного Экономического Общества* и бывшего некогда в Москве *Вольного Российского Собрания* при Императорском Университете.

Название Вольного Общества любителей Российской Словесности отличит совершенно оное как от Российской Императорской Академии, так и от всех других Правительством учреждаемых Обществ, и определит прямой состав, цель и отличительное свойство оногo.

Изложив таким образом мнение мое, я покорнейше прошу ваше Превосходительство представить оное Комитету гг. Министров.

Чсть имею быть с истинным почтением

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга

Осип Козодавлев

№ 3689

Декабря 28 дня 1817 года

17. Выписка из журналов Комитета министров 29 декабря 1817 и 19 января 1818 года [Л. 35]

<входящий номер и дата> 247 25 Генваря <1818>

В заседании 29 Декабря слушано прилагаемое при сем отношение Министра внутренних дел, управляющего Министерством Просвещения, — с представлением Устава Общества соревнователей просвещения и благотворения.

Комитет, усматривая из объяснения Министра внутренних дел, управляющего Министерством духовных дел и народного просвещения, что Общество соревнователей просвещения и благотворения отнюдь не облекается в права, присвоенные Императорской Российской Академии, положил: представленный от оногo Устав утвердить, с тем чтобы Общество сие именовалось, как Министр внутренних дел полагает: *Вольным обществом любителей Российской словесности*; на что и испросить высочайшее соизволение.

А в заседании 19 генваря Комитету объявлено, — что Государь Император соизволил утвердить мнение Комитета.

Комитет определил: сообщить о том исправляющему должность Министра духовных дел и народного просвещения выпискою из журнала, с тем, чтобы с утверждением Устава означенное Общество именовалось *Вольным Обществом любителей Российской словесности*.

Действительный статский советник Колосов

№ 166

Его Прев<осходительству> Г. Мин<истру> внут<ренних> дел,

Исп<оляющему> Долж<ность> Мин<истра> духовных дел и народ<ного> просвещения

18. Письмо О. П. Козодавлева С. П. Салтыкову [Л. 36–36 об.]

Милостивый Государь мой Граф Сергей Петрович!

Комитет гг. Министров, усмотрев из учиненного мною объяснения, что Общество сореvнователей просвещения и благотворения отнюдь не облекается в права, присвоенные Императорской Российской Академии, положил представленный от оногo Устав утвердить, с тем чтобы Общество сие именовалось Вольным Обществом Любителей Российской словесности, каковое положение Комитета Государь Император высочайше утвердить соизволил.

Сообщая о том Вашему Сият<ельст>ву и препровождая при сем Устав Общества, равно форму Дипломов, кои оно полагает раздавать своим членам, и образец печати для оногo, прошу вас, Милостивый Государь мой, предложить Обществу, чтобы оно впредь во всех актах своих и вообще где следует именовалось *Вольным Обществом Любителей Российской словесности*, сделав, согласно с тем следующие перемены, как в Уставе и форме Дипломов, так и образце печати Общества.

С совершенным почтением, имею честь быть

Вашего Сият<ельст>ва

Покорнейшим слугою

№ 221

в С.П.бурге

Генваря 30 дня 1818 года

Его Сият<ельст>ву Графу С. П. Салтыкову

Литература и источники

ИРЛИ. Ф. 58. № 1: Входящие бумаги Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения за 1817 г.

ИРЛИ. Ф. 58. № 2: Входящие бумаги Вольного общества любителей российской словесности за 1818 г.

ИРЛИ. Ф. 58. № 16: Исходящий журнал Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения за 1817 г.

ИРЛИ. Ф. 58. № 17: Исходящий журнал Вольного общества любителей российской словесности за 1818 г.

РГИА. Ф. 733. Оп. 18. № 37: Дело «Об учреждении в С. Петербурге Общества сореvнователей просвещения и благотворения, наименованного при Высочайшем утверждении Вольным обществом Любителей Российской словесности».

Альтшуллер 2007: Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 2-е изд., доп.

Базанов 1949: *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949.

Базанов 1964: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964.

Боровков 1898: Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. III–V // Русская старина. 1898. Вып. 10. С. 41–63.

Брайловский 1909: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде. I: Орест Михайлович Сомов. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1909.

Кондаков 2014: *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2014.

Лобойко 2013: *Лобойко И. Н.* Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. ст., подгот. текста, сост. библиогр. списка и коммент. А. И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Маслов 1912: *Маслов В. И.* Литературная деятельность Рыльева. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1912.

ПСЗРИ 1830: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 27: 1802–1803; Т. 34: 1817.

Рогушина 2002: *Рогушина А. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2002.

Срезневская 1907: *Срезневская А. И.* Архив Вольного общества любителей российской словесности // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1904 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. С. 225–277.

Срезневский 1907: *Срезневский В. И.* Вводная заметка // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1904 году. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. С. 1–2.

Степанов 2010: *Степанов В. П.* Салтыков Сергей Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. Р–Я. С. 87–88.

Устав Российской Академии 1818: Устав и штат Императорской Российской Академии, высочайше утвержденные в 29 день мая 1818 года. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1818.

Филиппович 1915: *Филиппович П. П.* Отчет о поездке в Петроград // Университетские известия. 1915. № 8. С. 1–6.

Шилов 2002: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений (1802–1917). Биобиблиографич. справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 2-е изд., испр. и доп.

Шишков 1858: Мнение вице-адмирала Шишкова о представленном в Комитет господ министров проекте и уставе, при коем испрашивается утверждение Общества под названием: Соревнователей просвещения и благотворения // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. Апрель – июнь. Кн. 2. С. 180–182.

Шишков 1870: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / Изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. Т. 1–2.